

Я. С. ЛУРЬЕ

Литература XV—XVI вв. в трудах В. П. Адриановой-Перетц

Литература Северо-Восточной (Московской) Руси XV—XVI вв. не была основным предметом научных исследований Варвары Павловны. Гораздо ближе к ее научным интересам стояли литература XVII в. и литература Киевской Руси, а также общие проблемы развития древнерусской литературы — связь ее с фольклором, своеобразие поэтического стиля Древней Руси и т. д. Однако именно широкие интересы В. П., ее стремление изучать отдельные памятники и целые жанры в их историческом развитии не раз побуждали ее обращаться к памятникам, возникшим в период объединения Северо-Восточной Руси и образования Русского централизованного государства. Изучение литературной судьбы «Слова о полку Игореве» предопределило интерес В. П. к «Задонщине», памятнику, теснейшим образом связанному со «Словом»; рассматривая историзм древнерусской литературы как ее важнейшую особенность, исследовательница естественно обращалась к летописанию, и в частности к летописанию XV—XVI вв., и т. д.

Особое место в научном труде Варвары Павловны занял один из наиболее своеобразных и наименее изученных в литературоведческом плане памятников древнерусской литературы — «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. В 1948 г. Академией наук было предпринято первое отдельное издание записок тверского путешественника (издание это стало началом серии «Литературных памятников», возникшей при активном участии В. П. и существующей до сих пор).¹ Одним из редакторов «Хождения» (вместе с Б. Д. Грековым) была В. П. Адрианова-Перетц, написавшая для издания специальное исследование — «Афанасий Никитин — путешественник-писатель».² В 1958 г. вышло дополненное и переработанное издание книги в той же серии; на этот раз единственным редактором книги была В. П., заново переработавшая и дополнившая свою статью об Афанасии Никитине.

Статья В. П. может считаться первым подлинно литературоведческим исследованием «Хождения». До нее о «Хождении» писали географы, историки, лингвисты; даже И. И. Срезневский, посвятивший в 1866 г. книге Никитина особую статью (первую по времени работу об этом памятнике), ограничился тем, что определил время написания «Хождения» (1466—1472 гг.), прокомментировал некоторые его реалии; но вопрос о ценности «Хождения» как памятника литературы его в сущности со-

¹ Среди дальнейших изданий этой серии, вышедших под редакцией В. П., были памятники XV—XVI вв. — «Послания Ивана Грозного», «Стефанит и Ихнилат».

² В. П. Адрианова-Перетц. Афанасий Никитин — путешественник-писатель. — В кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.—Л., 1948.

всем не занимал. Очень немного сделал в этом отношении и С. К. Шамбинаго, написавший раздел о Никитине в десятитомной академической «Истории русской литературы». В своей небольшой статье автор допустил ряд фактических ошибок (он утверждал, например, что «наиболее близкий к оригиналу» текст «Хожения» «сохранился в выписках из Троицкой летописи и в Воскресенской», — в действительности ни в той, ни в другой летописи «Хожения» нет; по его словам, Никитин «завещал» свое сочинение «московскому князю» и т. д.) и, что еще важнее, никак не охарактеризовал своеобразие «Хожения» и его место в литературной традиции. Считая, что, «несомненно, Афанасию Никитину было знакомо „Сказание об Индийском царстве“», которое он поправлял «своим реальным повествованием», С. К. Шамбинаго видел в Никитине «писателя оригинального, пытавшегося придать экзотичность своему повествованию».³

Совсем по-иному подошла к «Хожению за три моря» В. П. Адрианова-Перетц. До 1948 г. она не занималась специально записками Никитина, но ее обращению к этому памятнику предшествовала многолетняя работа над произведениями близкого жанра: «хождениями» русских и греческих паломников — игумена Даниила, Арсения Селунского, Даниила Корсунского, Василия Гагары, Иполита Вишенского.⁴ «Хожение за три моря» она сопоставляла не со «Сказанием об Индийском царстве» (которое Никитин ни разу не упоминал в своем сочинении), а именно с «хождениями»⁵ и с описанием путешествия русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор: «Популярность в читательской среде литературы путешествий создала и устойчивость самого жанра „хождениев“. Литературная традиция, начатая еще в первом десятилетии XII в. старшим русским паломником Даниилом, заметно ощущается в течение всего средневековья даже в светских описаниях путешествий, где она, однако, закономерно уступает место и новым приемам изложения. Сохраняя конкретность и деловитость старшего русского „хождения“, светские путешественники-писатели гораздо смелее используют живую речь... Эту традицию „хождениев“ отразил в своем ярко окрашенном авторской индивидуальностью рассказе о путешествии „за три моря“ и Афанасий Никитин». Сходство с «хождениями» В. П. обнаружила в повествовательно-описательной части записок Никитина, составленной из простых предложений, скрепленных союзом («а все ходят брюхаты, а детей у них много»), в перечне географических названий с лаконичным указанием расстояний между ними, в традиционных определениях богатства и изобилия местности («земля обилна всем», «земля обилна велми»), и т. д. Но, отмечает В. П., «отдав — сознательно или невольно — дань литературной традиции, Афанасий Никитин создал для передачи своих

³ История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1946, стр. 250—252.

⁴ Список трудов В. П. Адриановой-Перетц см.: ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958; т. XXIV, 1969.

⁵ Сравнение «Хожения за три моря» с литературой древнерусских «паломничеств» приводилось также в статье Н. С. Трубецкой, не использованной В. П. при написании ею работы (Н. С. Трубецкой. Хождение Афанасия Никитина как литературный памятник. — Сб. «Версты», 1926, № 1, стр. 180—182). Однако Н. С. Трубецкой считал, что Никитин сознательно отталкивался от подлинных «паломников» и что «нагромождение» иноязычных выражений в его сочинении должно было создавать «эффект экзотичности». Это «нагромождение» имело чисто стилистический смысл: в Индии Никитин молился и рассуждал о вере по-русски, т. е. на непонятном для окружающих языке; после отъезда из Индии «перемена окружения вызвала превращение наизнанку языковых выражений психического состояния», и Никитин изложил теперь свои наиболее заветные мысли на тюркском и персидском языках (там же, стр. 175—180).

впечатлений лично ему принадлежащую манеру изложения, свой стиль».⁶ Этот «личный элемент» — важнейшая особенность «Хожения» Никитина; откровенность дневниковых записей придает его произведению совершенно несвойственную традиционным «хождениям» индивидуальность и интимность.

Гораздо глубже, чем ее предшественники, подошла В. П. и к проблеме варваризмов в «Хожении» — отдельных слов, фраз и целых разделов, написанных Никитиным на своеобразном «тюркском» жаргоне, на котором, очевидно, изъяснялись купцы, торговавшие в Передней и Средней Азии. Никитин пользовался этим языком не для придания «экзотичности» своему повествованию, а, очевидно, «просто привыкнув к нему». Общение с представителями различных вер привело тверского купца к далеко не ортодоксальному и не обычному для Древней Руси убеждению, что «правую веру бог ведает, а правая вера бога единого знати, имя его призывать на всяком месте чисте чисту»;⁷ именно поэтому, предполагала В. П., Никитин приводил тексты молитв и в их восточной (мусульманской) форме, и в русском переводе. В ряде случаев запись на тюркском диалекте была вызвана, по выражению В. П., «своеобразной цензурой собственного рассказа»: Никитин выражал по-тюркски такие идеи, которые могли показаться опасными с точки зрения будущих русских читателей его дневника.⁸

Уже в первой редакции своей статьи В. П. охарактеризовала Никитина совсем иначе, чем это делали авторы, склонные видеть в авторе «Хожения» купца-дипломата, сознательно стремившегося в Индию и удачно осуществившего там свою миссию. Она справедливо заметила, что из текста «Хожения» не видно, что торговые дела в Индии «складывались для Никитина особенно благоприятно. Он вообще проходит перед читателем больше как любознательный путешественник, чем как деловитый купец, совершающий выгодные сделки».⁹ Эти наблюдения были развиты в окончательной редакции статьи, помещенной во втором издании «Хожения за три моря». «Первоначальной целью поездки Афанасия Никитина и его товарищей, тверских и московских купцов, был, видимо, лишь Ширван... О том, что, отправляясь в путь, Никитин еще не думал о далекой Индии, свидетельствуют его собственные слова. Вспоминаая в „Хожении“, как его ограбили на пути под Астраханью, он пишет: „И я от многих бед пошел в Индию, так как на Русь мне пойти было не с чем...“, — начинает свою статью В. П. во втором издании книги.¹⁰ С полным основанием возражала В. П. и против представления о «Хожении» как о произведении, написанном после благополучного возвращения путешественника на Русь. «Не говоря уже о том, как трудно, а порою невозможно удержать в памяти такое обилие фактических подробностей (например, точное указание расстояний между городами в днях пути и в ковах), каким отличается „Хожение“, — обстановка тяжелого обратного путешествия была совсем не подходящей для литературного труда...», — отмечала В. П. «В тексте „Хожения“ есть несомненные следы того, что... иногда свои размышления Никитин записывал сразу. Так, перед описанием похода Меликтучара на Виджаянагар Ники-

⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Афанасий Никитин — путешественник-писатель, стр. 109—110.

⁷ Там же, стр. 111.

⁸ Там же, стр. 112—113.

⁹ Там же, стр. 120.

¹⁰ Хожение за три моря Афанасия Никитина. 2-е издание, дополненное и переработанное. М.—Л., 1958, стр. 93.

тин задумывается, каким путем ему возвращаться на родину, и записывает эти тревожные мысли явно сразу, еще перед путешествием, поэтому и рассказывает о них в настоящем времени: „Господи боже, на тя уповаю, спаси меня, господи! Пути не знаю...“. Этот отрывок не оставляет сомнения в том, что записан он был тогда, когда Никитин еще не выбрал окончательно маршрута своего путешествия... Таким образом, нет оснований думать, что Никитин лишь на обратном пути взялся составлять записки о своем путешествии». ¹¹

Статья В. П. об Афанасии Никитине как «путешественнике-писателе» не только оказалась самым значительным и наиболее ценным литературоведческим исследованием этого памятника. Статья эта отмечала важнейший для литературы XV в. факт — появление в ней памятников нетрадиционного характера, авторы которых нарушали этикетные нормы, закрепившиеся в церковной и светской письменности предшествующего времени, и тем самым содействовали появлению в средневековой литературе новых и весьма плодотворных художественных тенденций. «Обилие автобиографического элемента в „Хождении“ Никитина — в виде рассказов о его жизни в пути и в форме лирических эпизодов — выделяет эти путевые записки из всей литературы путешествий русского средневековья. Но в то же время именно эта особенность связывает Никитина с новыми течениями в биографических жанрах русской литературы XV в. Интерес к внутреннему миру героя, анализ его душевных переживаний врывается именно в XV в. в традиционную форму „жития“ и исторического рассказа... Рамки чисто эпического повествования раздвигаются, давая место выражению эмоций и размышлений и героя, и автора». ¹²

Вопрос о явлениях древнерусской литературы, предвещавших «тот блестящий путь, который выведет русскую литературу в XIX в. на передовую линию всей мировой литературы», явлениях, которые исследовательница определяла как «реалистические тенденции древнерусской литературы», вставал перед В. П. не только при изучении «Хождения за три моря». Возражая И. П. Еремину, считавшему, что «на широкие просторы искусства» древнерусский писатель выходил только, если он «отражал не действительность, а порожденные ею идеалы», В. П. указывала, что и в тех случаях, когда древнерусский писатель рисовал жизнь «какая она есть», он «стремился не просто точно (с протокольной точностью)», но и художественно правдиво воспроизвести ход событий, раскрыть как бы основное в психологии их участников, сделать изображение воздействующим и на сознание, и на эмоции читателя, способствующим усвоению им авторской оценки». ¹³ Примеры «художественно правдивых описаний» такого рода В. П. извлекала, в частности, из летописания XI—XII вв. ¹⁴ Однако еще прежде написания этой статьи, в одной из глав десяти томной «Истории русской литературы», В. П. разбирала подобные сцены, «воспроизводящие реальную обстановку жизни московского двора XVI в.», на материале летописания времени Ивана Грозного. Она привлекла в связи с этим один из наиболее ярких летописных рассказов XVI в. — рассказ о болезни и смерти великого князя Василия III (отца Ивана IV).

¹¹ Там же, стр. 95—96.

¹² Хождение за три моря. М.—Л., 1948, стр. 117. Ср.: Хождение за три моря Афанасия Никитина, 2-е изд., стр. 101.

¹³ В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе. — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 9.

¹⁴ Там же, стр. 11—17.

Предметом рассмотрения в этой главе был рассказ последней по времени летописи Грозного — «Царственной книги», но исследовательница сравнивала его и с более ранними летописными текстами («летопись, составленная в годы боярского правления», — Воскресенская),¹⁵ однако за пределами ее изложения оставался наиболее ранний вариант рассказа, составленный сразу после смерти Василия III и сохранившийся в Софийской II летописи по Воскресенскому списку.¹⁶ Рассказ «Царственной книги», разобранный В. П., обнаруживал противоречивые черты, и исследовательница отметила это обстоятельство: «Князю хочется проститься с сыном-наследником, но он колеблется: „Яз лежу в велицей своей немощи, и нечто бы от меня не дрогнул сын мой“. Но братья настаивают, и сына приносят на руках. Летописец сочинил здесь длинную речь великого князя. . . Это — официальная торжественная речь к наследнику, какой уже не мог произнести больной, зато вполне реально звучат последние слова Василия к мамке Ивана, боярыне Челяддиной: „. . . чтобы еси, Огрофена, от сына моего от Ивана пяди не отступала“».¹⁷ Точность литературоведческого анализа В. П. получает полное подтверждение при проверке его сравнительно-текстологическим путем. Сопоставление с текстом С II Л обнаруживает, что обе «реальные» реплики (как и ряд других ярких деталей, отмеченных В. П.) принадлежат первоначальному рассказу, правдиво описывавшему последние дни Василия III, а «официальная торжественная речь» — дополнение «Царственной книги».¹⁸ Заметив противоречивость рассказа в «Царственной книге», В. П. дала и убедительное объяснение тому, зачем составителю этого памятника понадобился развернутый рассказ о смерти Василия III: «Возможно, что это сделано было под впечатлением только что разыгравшегося на глазах автора конфликта Ивана IV с боярами по вопросу о престолонаследии, когда во время болезни 1553 г. Иван IV потребовал присяги малолетнему наследнику».¹⁹ Действительно, текст «Царственной книги» начинался с рассказа 1533 г. о болезни Василия III, оставившего после себя вдову с малолетним сыном, а оканчивался рассказом 1553 г. о болезни Ивана IV, украшенным столь же яркими и правдоподобными (хотя, возможно, и вымышленными) подробностями.²⁰

Таким образом, и обращение к летописанию XVI в. подтверждало мысль В. П., что, «чем ярче выражена „лирическая стихия“ исторического повествования, тем заметнее автор старается передать свое отношение к изображаемому не только прямыми высказываниями своих оценок, но самым способом изображения».²¹

Даже спорадическое обращение В. П. к литературе XV—XVI вв. было чрезвычайно плодотворным: именно здесь исследовательница обнаружила черты новых литературных явлений: «. . . интерес к внутреннему миру героев, анализ его душевных переживаний». В связи с этим следует упомянуть и весьма активное участие В. П. в коллективном труде Сектора древнерусской литературы «Истоки русской беллетристики», где центральное место занимала именно тема появления оригинальной рус-

¹⁵ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 454—456.

¹⁶ Рассказ Софийской II по времени своего создания относился к предшествующей главе, но там он не разбирался (там же, стр. 331—336).

¹⁷ Там же, стр. 455.

¹⁸ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., СПб., 1906 (переизд.: М., 1965), стр. 409—419; ср.: ПСРЛ, т. VI, СПб., стр. 267—276.

¹⁹ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 454.

²⁰ Ср.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, стр. 424—425 и 436—439.

²¹ В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе, стр. 17.

ской беллетристики в XV в. и ее судьба в XVI в. Самой В. П. принадлежала в этой книге глава о сюжетном повествовании в житийных памятниках XI—XIII вв., однако она проявляла живой интерес и к книге в целом, читая и подробно рецензируя все главы по мере их написания, щедро помогая авторам своими советами.²² В этом еще раз сказались замечательные черты В. П. как прирожденного редактора и педагога, всегда чуткого к работам своих сотрудников и собеседников: улавливая мысль, еще только намечавшуюся в научных поисках ее младших товарищей, резко и интересно формулируя ее, В. П. умело направляла их исследование, связывая его с общими и основными вопросами древнерусской литературы. Именно поэтому она была учителем не только для своих непосредственных учеников, но и для всех тех, кому досталась радостная возможность научного общения с Варварой Павловной.

²² Так, например, высказанную в «Истоках русской беллетристики» мысль о принципиальном разграничении, введенном в конце XV—начале XVI в. между «полезными» и «неполезными» повестями (беллетристикой), В. П. подкрепила, дав автору этой статьи целый перечень повестей XVI—XVII вв., отмеченных в заголовках как «полезные» (ср.: Истоки русской беллетристики, стр. 406).